

О.Э.Мандельштам в Воронеже

Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появилось в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен.

А.Ахматова

Воронеж. Центр города. Улица Фридриха Энгельса. Дом № 13. На здании- мемориальная доска. Чёрный гранит. Мистически чёрный. И из разломов этого чёрного камня вперёд и немного вверх вырывается светлеющий профиль Поэта.

Три года (1934-1937) ссыльный О.Э.Мандельштам живёт в Воронеже. Олег Ласунский в книге «Литературная прогулка по Воронежу» пишет: «Осип Мандельштам вместе с супругой, Надеждой Яковлевной, верной спутницей его многотрудной скитальческой жизни, оказался в городе, овеянном славой народных певцов России-Алексея Кольцова и Ивана Никитина».

Я около Кольцова

Как сокол окольцован,

И нет ко мне гонца.

И дом мой без крыльца.

У Кольцова есть прекрасная песня «Дума сокола» со щемящим сердце зачином: «Иль у сокола крылья связаны, иль пути ему все заказаны?...» Мандельштам подхватывает кольцовский образ, преосмысливает его применительно к собственной изгнаннической судьбе... На каждое передвижение Мандельштама, даже в пределах Воронежской и соседних областей, полагалась специальная санкция органов НКВД. Вольного сокола заперли в тесной клетке». Но, несмотря на это, поэт жил богатой духовной жизнью и много писал.

Пушкинские дни в Воронеже.

Осип Эмильевич приходит на выставку в университетскую библиотеку и замечает, что из стихотворения Лермонтова «Смерть поэта» выброшены организаторами выставки строчки : «Но есть, есть божий суд, наперсники разврата! Есть грозный судия: он ждёт; Он не доступен звону злата, И мысли и дела он знает наперёд». Осип Эмильевич устраивает настоящий скандал и успокаивается только тогда, когда директор библиотеки обещает восстановить пропущенный текст.

Да, Мандельштам часто забывал о своём положении поднадзорного. Он мог быть очень резким, если это соответствовало его внутреннему состоянию.

Осип Эмильевич с большим интересом посещает музей Воронежа изобразительных искусств. Особенно его привлекает зал западноевропейской живописи. Он бывает на симфонических концертах воронежского оркестра. Мандельштам работает одно время в драматическом театре, занимает должность завлитчастью (консультанта). В его обязанности входило «просто поболтать» с актёрами. Он исправляет для спектаклей переводы Шекспира. Вместе с Надеждой Яковлевной по заказу облрадиокомитета Мандельштам делает композицию «Юность Гёте». Встречается с молодыми поэтами, выступает перед воронежскими писателями с докладом об акмеизме и вместо требуемых от него разоблачений Н.Гумилёва и А.Ахматовой говорит : « Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мёртвых».

Общительность помогает поэту заводить необходимые знакомства. Постепенно определяется круг людей, которые не только сглаживают пребывание ссыльных Мандельштамов, но и способствуют творческой деятельности Осипа Эмильевича.

Среди людей, которые приносили поэту радость общения, были Наталья Штемпель, молодая учительница русского языка и литературы, директор драматического театра С.О.Вольф, режиссёр В.М.Энгелькрон, писатели М.Сергиенко, Б.Песков и другие. Вокруг поэта группировалась творческая молодёжь.

Это светлые моменты воронежской жизни Мандельштама. Они- свидетельство духовной жажды поэта. Негативного было больше. Главное, что угнетало Осипа Эмильевича,-это положение политического ссыльного, отсутствие свободы. А.Ахматова ,навестившая поэта в изгнании в феврале 1936 года, так передала свои впечатления в стихотворении «Воронеж», посвящённом Мандельштаму:

А в комнате опального поэта

Дежурят страх и Муза в свой черёд.

И ночь идёт,

Которая не ведает рассвета.

Очень скоро Мандельштамы оказались в полной изоляции. «Наше благополучие кончилось осенью 1936 г. Радиокомитет упразднили, централизовав все передачи, не оказалось работы в театре, газетная работа тоже отпала. Рухнуло всё сразу»,-вспоминала Надежда Яковлевна. Начались выпады в местной печати против поэта. Приближался конец ссылки, а будущее было неизвестно. В апреле 1937 года Осип Эмильевич писал К.И.Чуковскому: «Я поставлен в положение собаки, пса. Меня нет. Я-тень. У меня только право умереть. Меня и жену толкают на самоубийство...Нового приговора к ссылке я не вынесу. Не могу...»

Итак, Осипу Эмильевичу было очень тяжело. Но, несмотря на это, он много писал. По словам Н.Штемпель, «он буквально горел». Она часто присутствовала

при таинстве создания им стихов: «Он не писал и не записывал свои стихи, а если и записывал, то в виде редчайшего исключения. Лучше всего об этом сказал он сам: «У меня нет рукописей, нет записных книжек, нет архивов. У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Я один в России работаю с голоса».

Незадолго до отъезда из Воронежа Осип Эмильевич попросил Надежду Яковлевну переписать для Наташи Штемпель все стихи. Получилось три толстых блокнота. Поэт отдал их Наталье Евгеньевне, поставив под каждым стихотворением дату и букву «В». Так появились «Воронежские тетради» О.Э.Мандельштама.

Покидая занимаемый фашистами Воронеж, Наталья Евгеньевна взяла с собой стихи Мандельштама. Она не расставалась с небольшим свёртком ни в товарных поездах, ни на станциях, ни в деревне, куда она попала на некоторое время. Ей удалось сохранить стихи. «Воронежский период-это новое слово, сказанное Мандельштамом в русской поэзии XX века», -пишет Штемпель. Более 30 стихотворений из этого сборника связаны с Воронежем. Где-то поэт создаёт картинки-пейзажи, своеобразные портреты города. Есть стихотворения, посвящённые краю, связанные с людьми, живущими в Воронеже... Например, стихотворение «Чернозём» было написано под впечатлением распаханых опытных полей СХИ, где поэт нередко гулял весной. А в стихотворении «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» шутка смешана с трагическими нотками.

Благодаря «Воронежским тетрадям» Осип Эмильевич навсегда прописан в старом русском городе.